

Участіе Сербіи въ войнѣ 1877—78 гг.

XII.

уже имѣлъ случай сказать, что настоящія замѣтки пишу, отнюдь не имѣя въ виду воспроизводить эпоху. Въ отдѣльной моей книгѣ „Въ Сербіи“, ¹⁾ приведены фактическія данныя по второй сербской войнѣ. Здѣсь же мнѣ хочется обратить вниманіе на значеніе обстановки, создававшейся всѣми факторами общественной жизни. Важенъ успѣхъ въ достиженіи поставленной цѣли, а онъ достигается не всегда однороднымъ путемъ.

Правительству сербскаго княжества предстояло не только употребить всѣ свои усилія къ освобожденію сербской расы отъ турецкаго владычества, но и стремиться къ образованію такой сербской государственности, которая была бы способна осуществить завѣтъ Душана Великаго. Первая цѣль достигалась наиболѣе полнымъ содѣйствіемъ русской арміи въ достиженіи главнѣйшихъ цѣлей; вторая—тѣснымъ союзомъ съ Черногоріею.

Боями у Акъ-Паланки и подъ Пиротомъ оказано русскимъ войскамъ несомнѣнное и немаловажное содѣйствіе. Сербскія колонны, оттянувъ на себя значительную часть арміи Мегемета-паши, продолжали наступать, все болѣе и болѣе связывая дѣйствія софійскаго турецкаго резерва. Переходъ Балканъ корпусомъ генерала Гурко былъ значительно облегченъ. 16 декабря былъ занятъ Пиротъ, а 17-го числа главные силы Гурко спустились съ горъ. Справедливость требуетъ признать заслугу сербовъ. Они не выжидали перехода горъ нашими войсками, а энергично наступали, стараясь быть полезными союзниками. Сильная крѣпость Ниша не

¹⁾ „Въ Сербіи“. Изд. Березовскимъ.

остановила ихъ смѣлаго наступленія и была оставлена ими въ тылу. Все, что имъ было поставлено задачею нашею главною квартирою, все было исполнено ими въ точности и во-время. Главнокомандующій Великій Князь, поздравляя князя Милана со взятіемъ Пирота, выражалъ благодарность за точное выполненіе его предначертаній. Съ ординарцемъ поручикомъ Хвоцинскимъ высылалось 150 георгіевскихъ солдатскихъ крестовъ. Князю Милану предлагалось сдѣлать представленія къ ордену Св. Георгія наиболее отличившихся сербскихъ офицеровъ.

Сильно задумался князь Миланъ надъ листомъ чистой бумаги и послѣ немалой борьбы, грызя перо, написалъ перынымъ въ представленіи къ Георгію имя Ефрема Марковича.

Я понималъ, какого нравственнаго усилія стоила Милану эта борьба, и потому поспѣшилъ его поздравить съ побѣдой.

„Это дѣлаетъ Вашей Свѣтлости величайшую честь. Повѣрьте, этимъ великодушнымъ поступкомъ Вы совершаете великое дѣло, отдавая достойное достойному. Я не примину свидѣтельствовать предъ всѣми объ этомъ подвигѣ“.

„Вы думаете“, нашелся отвѣтить князь этими словами сомнѣнія.

Послѣ перехода границы прошло только десять дней, и уже достигнуты положительные результаты. Но далѣе увлекаться въ этомъ направленіи было рисковано, такъ какъ въ тылу оставался Нишъ и корпусъ Хафиза-паши грозилъ нападеніемъ. Хотя, разсуждая теоретически, слѣдовало бы прежде всего разбить Хафиза, а крѣпость въ такомъ случаѣ сдалась бы безъ боя; но обстановка требовала иного образа дѣйствія. Во что бы то ни стало, слѣдовало овладѣть Нишемъ до прихода Хафиза, собиравшаго себѣ въ Митровицѣ арнаутскія организациі. Белимарковичъ пока оставленъ на дорогѣ въ Софію. Большая часть его силъ повернута назадъ для стѣсненія Ниша съ той стороны, съ которой меньше всего было вѣроятія наступленія. Части войскъ полковника Здравковича передвигались въ долину Нишавы, гдѣ должны были войти въ составъ корпуса полковника Хорватовича. Моравскій корпусъ полковника Лѣшанина, занимая бассейнъ р. Болгарской Моравы, свои части имѣлъ въ Лесковицѣ, Куршумле и Прокоплѣ и облагалъ Нишъ со стороны вѣроятнѣйшаго пути наступленія Хафиза. Привлеченіе къ общему дѣлу полковника Николича для своего осуществленія встрѣчало съ его стороны тысячу препятствій, а полковникъ Здравковичъ не спѣшилъ выполнять полученныя приказанія, такъ какъ ему правилось командовать отдѣльнымъ отрядомъ.

Всѣ эти распоряженія были сдѣланы 19-го декабря, но князь,

вѣроятно, не былъ проникнутъ основною мыслью и потому не былъ въ состояніи отказаться отъ попытокъ къ захватамъ. 21-го числа онъ телеграфируетъ Здравковичу: „оставьте, сколько нужно, въ Кулъ для обороны края и идите къ Бѣлградчику“. Точно и не было приказанія спѣшно идти къ Нишу. Здравковичъ оправдываетъ свою неподвижность страхомъ населенія остаться безъ войскъ. Князь ему отвѣчаетъ: „менѣе переписки, болѣе энергіи, въ послѣдней залогъ успѣха“.

Какъ только было получено извѣстіе о занятіи Софіи войсками генерала Гурко, князь по секрету отъ меня 25/ХІІ дѣлаетъ такого рода предложеніе: „въ предположеніи отступленія вытѣсненныхъ изъ Софіи турокъ на Скопле для соединенія съ Хафизъ-пашей, силы котораго сосредоточены на линіи Подуева-Приштина, съ цѣлью прикрытія желѣзнодорожной линіи, предлагаю Вашему Превосходительству, дѣйствуя въ связи, уничтожить турокъ. Я сосредоточиваю главную массу сербовъ въ долинахъ Топлицы и Моравы, чтобы направить ее въ тылъ Хафиза при его движеніи противъ Васъ, и прошу сдѣлать то же самое при нападеніи турокъ на мои войска. Хорватовичу приказано двигаться отъ Трна на Вранью на одной высотѣ съ колонною войскъ Вашего Превосходительства, въ случаѣ направленія таковой черезъ Радоміръ и Кюстендиль на Куманово“. Это предложеніе, сдѣланное въ разрѣзъ съ только-что отданными приказаніями о сосредоточеніи всѣхъ войскъ подъ Нишемъ, было сдѣлано безъ моего вѣдома и сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ только на слѣдующій день. Объ этомъ предметѣ у насъ былъ общій разговоръ, но какъ предположеніе на будущее время при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ. Не могъ же князь серьезно думать объ освобожденіи Ниша отъ обложенія. Но генераль Гурко не далъ себя опутать.

Въ тотъ же день была получена телеграмма отъ имени Великаго Князя Главнокомандующаго: „по вступленіи въ связь съ Гурко и оставивъ по соглашеніи съ нимъ отрядъ для занятія Софіи, сербскія войска преслѣдуютъ турокъ, отступившихъ на Кюстендиль. Цѣль дальнѣйшихъ движеній сербовъ должно быть очищеніе всей занятой Болгаріи и овладѣніе желѣзной дорогой въ Ускюбъ и Митровицѣ. Затѣмъ они перейдутъ къ исполненію своего плана въ Старой Сербіи. Одно предположеніе стоило другого. Въ особенности поражаетъ превратное представленіе о положеніи дѣлъ на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что слѣдовать полученнымъ указаніямъ было невозможно. Оставалось приводить въ исполненіе съ полною энергіею ранѣе составленный планъ овладѣнія Нишемъ до наступленія

Хафиза-паши. Малѣйшая остановка, задержка, промедленіе, и все было бы потеряно. Одновременно въ тотъ самый день, 25 декабря, когда происходилъ обмѣнъ предложеній между главными квартирами, сербскіе отряды надвигались на Нишъ, замыкая кольцо обложенія, а корпусъ Хафиза-паши, переваливъ черезъ горный переваль, обрушился на сербскій заслонъ полковника Беницкаго.

Укрѣпленія крѣпости Ниша были въ особенности сильны со стороны Сербіи, съ сѣвера и съ запада. Возвышенность Виника на сѣверѣ была увѣнчана сильнымъ фортомъ „Митхада-паши“. Самый городъ находится на лѣвомъ берегу р. Нишавы; на правомъ же расположена сильная цитадель. Южнѣе фортъ „Абди-паша“ на холмѣ Бабанѣ прикрывалъ дороги отъ Мрамора и Лесковца. Доступы съ юго-востока по горнымъ отрогамъ только-что начали укрѣплять земляными эполементами на высотахъ Горицы и Габровца. Связью съ фортомъ „Абди-паша“ должно было служить укрѣпленіе Маркова-кале. Все это было еще въ зачаткѣ, когда появились на горахъ войска Хорватовича. Усиливая въ мирное время крѣпостные верки на вѣроятнѣйшемъ пути наступленія со стороны княжества, турки не предвидѣли такой обстановки, при которой могла явиться возможность атаки крѣпости съ юго-востока. Этимъ обстоятельствомъ слѣдовало пользоваться.

Всѣ эти дни мы ежедневно выѣзжали на ту или другую позицію, каждый разъ возвращаясь въ Алексинацъ, гдѣ пользовались сравнительнымъ комфортомъ. Кромѣ лицъ, уже упомянутыхъ, входившихъ въ составъ главной квартиры, былъ еще представитель отъ правительства, министръ народнаго просвѣщенія Васильевичъ, прекрасно говорившій по-русски, спокойный и благодушный, не мало мнѣ помогшій въ своихъ частныхъ бесѣдахъ усвоить истинные интересы славянства съ сербской точки зрѣнія. Вставали мы рано, большею частью въ шестомъ часу утра, но праздникамъ въ восемь. Около десяти часовъ князь обыкновенно заходилъ ко мнѣ. По большой картѣ австрійскаго генеральнаго штаба, всегда лежавшей у меня на столѣ открытою, князь передавалъ о вновь полученныхъ донесеніяхъ со всѣхъ позицій. Садились за столъ два раза въ день, во второмъ часу дня и въ девятомъ вечера. За столомъ велись общіе разговоры преимущественно о томъ, что дѣлается въ Бѣлградѣ, рѣдко о другомъ.

Послѣдніе дни главная квартира волновалась, но совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ какомъ слѣдовало. Обсуждались всевозможные планы, какъ лучше использовать достигнутые результаты; говорилось съ большимъ самомнѣніемъ, чѣмъ завершить свои подвиги. Обратиться ли къ Старой Сербіи или нѣсколькими перехо-

дами захватить еще пространства, конечно, съ тѣмъ, чтобы ихъ не возвращать. По истинѣ строились воздушные замки. Между тѣмъ, въ лицѣ корпуса Хафиза-паши нависла грозная туча, но опасность мало сознавалась и мыльные пузыри различныхъ проектовъ съ прежнею развязностью выпускались на Божій свѣтъ. Наконецъ, грянулъ первый ударъ изъ грозовой тучи, но неудачу объяснили неспособностью подполковника Беницкаго и замѣнили его подполковникомъ Прапорчевичемъ.

Въ ту самую минуту, когда успѣшно заканчивается оцѣпленіе Ниша, получается извѣстіе о полномъ пораженіи Прапорчевича подъ Куршумле. Ударъ турокъ былъ такъ силенъ, что вызвалъ панику. Сербскія войска побѣжали въ безотчетномъ ужасѣ. Густыя массы наступавшаго противника представляли прекрасную цѣль для разстрѣливанія, но артиллерія бѣжала безъ выстрѣла, опережая пѣхоту. Турецкіе эскадроны безпощадно сѣкли бѣглецовъ, пока было свѣтло. Подъ вліяніемъ погрома люди бѣжали на Янкову-Плисуру и возвращались къ своимъ частямъ на 5-й и даже 6-й день.

Трудно сказать, къ какимъ бы послѣдствіямъ привела побѣда Хафиза, если бы не одновременный успѣхъ сербовъ въ тотъ же день 26-го декабря подъ Нишемъ. Написавъ тотчасъ же по своему обычаю побѣдную реляцію въ Сераль падишаха, турки оставили успѣхъ свой безъ развитія.

Еще 25-го числа полевая артиллерія была ввезена на горные отроги, оканчивавшіеся надъ самымъ городомъ отвѣсными склонами. На 26-е число было назначено общее наступленіе. Главный ударъ предоставляли частямъ Шумадійскаго корпуса и, въ особенности, шедшей въ его главѣ Смедеровской дивизіи полковника Бучевича. Роли по диспозиціи были распредѣлены правильно, почему и выполненіе произошло безъ всякихъ замѣшательствъ. Можно было бы обойтись безъ слишкомъ усерднаго штурма сѣверныхъ укрѣпленій, обусловившаго большія потери въ людяхъ, но усердіе имѣло право на извиненіе, такъ какъ обезпечивало успѣхъ.

Турки не сдавались и предлагали перемиріе, чтобы выждать наступленіе Хафиза-паши. Пришлось возобновить атаки въ 3 часа слѣдующаго дня, т. е. 28 числа. Наконецъ, 29 декабря, въ 7 часовъ утра, была заключена капитуляція сдачи крѣпости. Все переходило въ собственность побѣдителя, только люди отпускались на свободу, какъ лишніе рты, которые иначе пришлось бы кормить.

Пока Нишъ оставался въ рукахъ турокъ, предприимчивый и энергичный паша всегда имѣлъ возможность парализовать первоначальные успѣхи сербскаго оружія. Укрѣпленія Ниша были не только отлично примѣнены къ свойствамъ мѣстности, но и воору-

жены большими крѣпостными орудіями современной конструкціи работы Круппа, на металлическихъ платформахъ, съ механическими приспособленіями для заряжанія и наводки. По сосредоточеннымъ въ крѣпости всякаго рода припасамъ и средствамъ, она могла легко вмѣщать въ себѣ значительный корпусъ войскъ и служить для его активныхъ предпріятій надежною базою. При такихъ условіяхъ крѣпость, имѣя гарнизонъ въ 20 или 25 тыс. человекъ, могла бы остановить наступленіе сербовъ на самой границѣ. Только потому и можно было позволить себѣ смѣлое наступленіе, что противникомъ были турки, не знавшіе, какъ распорядиться съ тѣми средствами, которыми располагали. Возможно ли было, имѣя другого противника, овладѣть Нишемъ передъ носомъ торжествующаго непріятеля? Развѣ не характерно, что Хафизъ, только-что вдребезги разбившій сербскій отрядъ, останавливается, какъ бы выжидая паденія крѣпости. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ восторжествовалъ бы надъ сербами во всѣхъ отношеніяхъ, если бы энергично продолжалъ свое наступленіе.

3-го января состоялся торжественный въѣздъ сербской главной квартиры въ завоеванную крѣпость. Восторгу побѣдителей не было предѣловъ. Разсчитывали въ ней найти много, но то, что досталось, превзошло ожиданія. Разсчитывали воспользоваться запасами, можетъ быть, пушками; досталось же сотни орудій и тысячи ружей. Даже погода преобразилась. Суровыя мятели сопровождали тяжелые дни; теперь наступили тихіе, солнечные дни оттепели. Боевые трофеи подняли духъ. Батарея крупновскихъ орудій, тысячи ружей Генри-Мартини, масса плѣнныхъ, взятыхъ грудью. Мѣстное населеніе, не увѣренное въ успѣхъ сербскаго оружія вначалѣ, теперь взялось за оружіе и рвалось въ бой.

Князю не спалось. Рано поднялся онъ съ постели и все бродилъ по батареямъ, магазинамъ и складамъ.

„Какія великолѣпныя орудія, и какъ все хорошо въ нихъ соображено“, съ восхищеніемъ обращался онъ ко мнѣ.

„Да, Ваша Свѣтлость, все это послѣднее слово техники“, отвѣчаю я.

„А, вѣдь, это должно стоить страшно дорого“.

„Бѣдному княжеству это непозволительная роскошь. Сербія располагаетъ только однимъ осаднымъ орудіемъ, мѣднымъ 24 фунтовымъ, старой конструкціи, да и то оно подарокъ Россіи. Другое изготовляется въ Крагуевацѣ, гдѣ еще сверлится дуло орудія“.

„Какими громадными долженъ обладать орудійный заводъ средствами и машинами, чтобы изготовлять въ массѣ такія совершенныя орудія“.

„Если бы Ваше Высочество посѣтили Крупновскій заводъ, много Вы нашли бы въ немъ для себя интереснаго.

„Вы думаете“.

Около этого времени я получилъ письмо отъ князя Черкаскаго съ предложеніемъ или оставить сербскія войска и занять постъ филиппопольскаго губернатора, или, оставаясь при князѣ Миланѣ, соединить въ своемъ лицѣ званіе представителя императорской арміи съ обязанностями нишкаго губернатора. Вотъ это письмо.

„Боготъ. 22 декабря 1877 г. М. г., Георгій Ивановичъ. Въ нынѣшнемъ іюль мѣсяцѣ, Вы были назначены на должность филиппопольскаго губернатора. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились. Нынѣ имѣется въ виду двоякаго рода новое занятіе Болгарской области: съ одной стороны—занятіе Нишкаго санджака, а затѣмъ Призрѣнскаго и Приштинскаго; съ другой стороны, войска наши легко могутъ вскорѣ занять и санджакъ Филиппопольскій. Вслѣдствіе сего рождается вопросъ о Вашемъ окончательномъ назначеніи. Вы можете быть или назначены филиппопольскимъ губернаторомъ или, оставаясь при сербской арміи, соединить вмѣстѣ съ симъ и должность губернатора нишкаго. При этомъ Вашему губернаторскому вѣдѣнію могутъ подлежать и санджаки Приштинскій и Призрѣнскій, т. е. вся мѣстность, которая занята сербскими войсками. Послѣдняя комбинація была бы удобнѣе, такъ какъ она сохранила бы для сербовъ Ваши познанія и совѣты. Состоялось бы единство военнаго и гражданскаго управленія въ краѣ, требующаго особаго за собою надзора. Благоволите сообщить отвѣтъ для доклада Его Высочеству. Примите и пр. князь В. Черкасскій“.

Я тотчасъ же отвѣчалъ, что въ настоящую минуту оставить сербскую главную квартиру не признаю возможнымъ, почему вопросъ о филиппопольскомъ губернаторствѣ долженъ быть рѣшенъ отрицательно, и что вся занятая сербскими войсками мѣстность уже организована по образцу княжества.

Вся эта исторія меня изумила до крайности по своей малой обоснованности. Съ какимъ легкимъ сердцемъ рѣшался капиталнѣйшій вопросъ о разграниченіи болгарской народности отъ сербской! Въ нашихъ интересахъ было подготовить ихъ союзъ, а не стравливать, ибо нѣтъ болѣе кровной обиды, какъ достоиніе однихъ отдать другимъ. Такъ же не продумано и отношеніе ко мнѣ лично. Дѣятельность моя неоднократно признавалась удачною, какъ же меня отсылать въ другое мѣсто въ разгаръ событій. Второе предложеніе болѣе соответствовало обстановкѣ, но въ такомъ случаѣ меня слѣдовало наименовать генеральнымъ комиссаромъ, а не посылать устлавливать на мѣстѣ разграниченіе.

XIII.

Въ письмѣ князя Черкасекаго вся мѣстность, занятая сербскими войсками и имѣющая быть занятою, признавалась болгарскою областью. Объ этомъ говорилось, какъ о фактѣ несомнѣнномъ; но гдѣ же данныя къ такому признанію? Ученыхъ изслѣдованій по этому предмету не было, такъ какъ цифры, приводимыя московскимъ профессоромъ, нельзя признать непреложными. Вывести положительныя заключенія изъ бѣглыхъ замѣтокъ путешественниковъ тоже нельзя. Въ дѣйствительности пограничное пространство между народностями уже давно представляетъ широкую полосу, гдѣ съ одинаковымъ успѣхомъ перемѣшались сербы съ болгарами. При однообразномъ вѣроисповѣданіи страну можно признать съ одинаковымъ удобствомъ и основаніемъ какъ сербскою, такъ и болгарскою. Существуютъ еще факторы церковной организаціи и народноучебнаго дѣла; но въ первомъ отношеніи издавна ведется борьба съ греками, а сельскія школы безусловно въ рукахъ болгаръ даже тамъ, гдѣ большинство населенія несомнѣнно сербское, какъ все пространство до Пирота.

Сербія примкнула союзомъ во имя освобожденія христіанской раи отъ гнета турецкаго произвола, съ ближайшею цѣлью включенія въ государственныя предѣлы тѣхъ сербскихъ мѣстностей, которыя подпали подъ власть султана, и никакою конвенціею не обязывалась ограничивать свои территоріальныя пріобрѣтенія опредѣленными этнографическими предѣлами. Отъ насъ высшіе политическіе интересы требовали справедливаго земельного разграниченія между Сербіею и Болгаріею, чтобы обезпечивалось равномѣрное развитіе ихъ союзной силы; но ни этнографическія, ни топографическія, ни стратегическія условія не указывали на необходимость сохраненія въ неприкосновенности прежней границы княжества. Напротивъ, исправленіе сербской границы было во всѣхъ отношеніяхъ необходимо. Только крайнимъ увлеченіемъ идеальною Болгаріею можно себѣ объяснить включеніе крѣпости Ниша по письму въ составъ новаго болгарскаго государства. Велико было преклоненіе въ главной квартирѣ предъ болгарскими задачами, если ими увлекался такой уравновѣшенный дѣятель, какимъ былъ князь Черкасскій.

Только-что изложенныя событія для обще-славянскаго вопроса на Балканскомъ полуостровѣ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Нѣтъ и не можетъ быть худшей доли, какъ междоусобица между родными племенами, а между тѣмъ злой рокъ наталкиваетъ

сербовъ и болгаръ, грековъ и румынъ на единоборство. Одно спасеніе въ нашемъ твердомъ и разумномъ словѣ. Но прежде чѣмъ приступить къ выполненію великаго назначенія быть миротворцемъ, нужно изучить вопросъ въ подробностяхъ и зацѣпиться такимъ авторитетомъ, предъ которымъ одинаково преклонились бы всѣ народности полуострова. Никакой работы въ этомъ направленіи выполнено не было. Противъ воли мы являлись всегда лицепріятною стороною и слѣдовали указаніямъ тѣхъ, кто громче говорилъ. Мы были не въ силахъ предупредить кровавой борьбы Милана съ Баттенбергомъ, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы такія пощытки къ разрѣшенію спорныхъ вопросовъ, тамъ или здѣсь, не повторились вновь. Своими палліативными соглашениями мы подаемъ дурной примѣръ младшимъ братьямъ. Если мы стремимся сдерживать естественные порывы юныхъ государствъ уговоромъ съ вражьей силой, то почему бы и имъ въ свою очередь не предавать своихъ братьевъ частными соглашениями.

Отдавая полную справедливость достоинствамъ болгарской народности, ея трудолюбію, терпѣнію, бережливости и настойчивости въ достиженіи поставленныхъ цѣлей, нельзя однако не замѣтить, что пятивѣковое приниженное состояніе ея, какъ мусульманской раи, отразилось на характерѣ болгаръ отрицательными качествами скрытности и замкнутости въ себѣ. Въ этомъ отношеніи сербы составляютъ полную противоположность. Болгаринъ труденъ на подъемъ и весь въ планахъ о будущемъ; сербъ—беззаботенъ и такъ же скоро воодушевляется, какъ и падаетъ духомъ, но онъ никогда не забывалъ, въ самыя тяжелыя времена, что Черная гора свободна, и онъ воленъ туда уйти, когда захочетъ. Это обстоятельство, повліявши на возвышенность духа серба, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и свою слабую сторону, сдѣлавъ изъ каждаго серба по преимуществу война и политика въ ущербъ работоспособности.

Интересно сравнить успѣхи общественной дѣятельности этихъ двухъ народностей за послѣднее время. Изъ разъединенныхъ двухъ частей Болгарія не только успѣла слиться въ единое государство, но и смѣло, и настойчиво заявила свои этнографическія требованія на большую часть Балканскаго полуострова. Послѣ короткаго періода внутренняго неурейства, жизнь страны укладывается въ рамки безусловнаго порядка, представляя всѣ данныя для быстраго развитія всѣхъ видовъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Болгарскій кредитъ на европейскомъ рынкѣ—выше сербскаго.

Сербская народность разъединена до сихъ поръ, и много горя это обстоятельство сулитъ славянскимъ племенамъ сербскаго корня. Занимая болѣе гористую западную половину Балканскаго полуострова,

прилегающую къ культурно-историческимъ водамъ Адриатики, она не имѣла возможности, по примѣру болгарской, развиться въ обширное государство, за исключеніемъ короткаго періода эпохи Душана Великаго, но зато больше сохранила свободы, сильнѣе воспріяла могущество мысли и пріобрѣла всѣ качества опытныхъ мореходовъ.

Нельзя сказать, чтобы та или другая народность была сильнѣе привержена греко-россійскому вѣроисповѣданію. Если прибрежнаго раіона сербы частью поддались римскому католичеству, то вѣдь и болгары безъ особаго сопротивленія обращались въ помаковъ и измѣняли вѣрѣ отцовъ изъ-за призрачныхъ политическихъ и матерьяльныхъ выгодъ.

Изъ сопоставленія этихъ свойствъ и историческихъ судебъ двухъ народностей нѣтъ основанія съ высшей точки зрѣнія рѣшенія общеславянскаго вопроса отдавать предпочтеніе одной предъ другой. Обѣ должны быть дорогими для насъ, обѣ равно и вмѣстѣ съ нами обязаны служить общему дѣлу. Изъ водоворота событій выходитъ, однако, не такъ. Болгарская народность не только сильно опережаетъ сербскую, но во многихъ отношеніяхъ стремится даже къ соперничеству съ нами. Она меньше служила общему дѣлу, а извлекаетъ для себя больше пользы и даже посягаетъ на царское достоинство сегодня, а завтра рискнетъ на самый Царьградъ.

Современная Болгарія безусловно богатая страна и, если еще не успѣла разработать своихъ богатствъ, то это только одинъ вопросъ времени. Сравнивать ее въ этомъ отношеніи съ Сербією нѣтъ никакой возможности. Между тѣмъ, какъ широко мы отнеслись къ Болгаріи и какъ скупы къ Сербіи. Съ достаточною ясностью уже указано, что главная задача для насъ заключается въ объединеніи сербской народности, въ сближеніи ея двухъ государствъ къ общей границѣ. Ужъ если есть у насъ лишнія деньги для виѣшнихъ цѣлей, то назначеніе ихъ должно обуславливаться не другою, а этою цѣлью. Могутъ сказать, что мы оказали болгарскому правительству помощь турецкою контрибуціею, т. е. такимъ капиталомъ, на полученіе котораго мы имѣли мало надеждъ. Но, во 1-хъ, какую бы дѣйствительную цѣнность ни имѣлъ этотъ капиталъ, не было основанія ему давать ненадлежащаго назначенія, а во 2-хъ, если обстановка благопріятствовала такому рѣшенію вопроса, во всякомъ случаѣ слѣдовало извлечь изъ факта личную пользу торгово-промышленными преимуществами.

Что же сдѣлали болгары, чтобы имъ до такой степени предъ всѣми остальными покровительствовать? Во время войны Черногорія боролась всѣмъ народомъ, Сербія—цѣлою армією, Болгарія—

горстью нами организованнаго ополченія. Прошло двадцать пять лѣтъ со времени войны и съ великою торжественностью празднуется юбилей въ Болгаріи. Свой собственный юбилей мы празднуемъ въ Болгаріи. Было солидное основаніе праздновать въ Черногоріи, въ Сербіи. Тамъ была почти народная борьба; но въ Болгаріи могъ быть только юбилей генерала Столѣтова. Казалось бы, что сама Болгарія должна была ознаменовать чѣмъ-либо чрезвычайнымъ великодушнымъ поступкомъ Россіи и послать своихъ представителей къ царскому престолу.

Я считалъ своимъ долгомъ нѣсколько обобщить свои мысли и освѣщать событія инымъ свѣтомъ, а не тѣмъ, которымъ освѣщается общественное мнѣніе подъ вліяніемъ руководящей его прессы. Царь одинъ во всемъ славянскомъ мірѣ, русскій царь, другого нѣтъ. Не понимаютъ истины тѣ, которые повторяютъ за кѣмъ-то: болгарскій царь, болгарская царская чета. Много царей—ущербъ нашему свѣтлomu. Равнымъ образомъ безконечно будетъ правъ тотъ славянофилъ, который и утромъ и вечеромъ будетъ помнить о страшной опасности для сербской народности, не способной по своей разрозненности отразить ударъ враговъ славянства.

Обращаюсь ко второй половинѣ сербскаго участія въ нашей войнѣ.

Телеграмма отъ 29 декабря изъ Ловчи: „Отъ главнокомандующаго. Чтобы не ослаблять главныхъ силъ нашихъ, имѣющихъ цѣлью дѣйствія на востокъ отъ Софіи, не предполагается направлять нашихъ войскъ на Кюстендиль и вообще западнѣе Софіи. Если сербы очень боятся Хафиза и даже малой части не могутъ дать для совмѣстнаго съ нами занятія Софіи, то пусть идутъ всѣми силами въ тылъ Хафиза и вообще дѣйствуютъ по усмотрѣнію князя на нашемъ западномъ флангѣ“.

Сопоставляя всѣ полученныя изъ нашей главной квартиры указанія, не трудно вывести заключеніе, что главною ихъ цѣлью было побужденіе сербовъ въ этотъ періодъ войны идти на Софію, или вообще дѣйствовать непосредственно на западномъ нашемъ флангѣ, что общемою задачею боевыхъ операцій на этомъ театрѣ войны было только воспрепятствованіе формированія резервовъ и подвоза запасовъ, что, наконецъ, ко всему остальному относились безучастно, какъ будто это остальное было только въ исключительныхъ интересахъ княжества. При этомъ, предоставлялось князю дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, прямо въ ущербъ моему значенію, да еще указывалось идти всѣми силами въ тылъ Хафиза. Вотъ это неосторожное указаніе, очевидно написанное необдуманно, сослужило дурную службу сербамъ. Князь дѣйствительно напра-

вилъ главныя силы кружнымъ путемъ черезъ Вранью, застрявшія въ ущельяхъ, и тѣмъ парализовалъ наступленіе широкимъ фронтомъ для возможно большаго занятія территоріи Старой Сербіи. Сербы такъ и не увидѣли Приштины и ни одного изъ другихъ пунктовъ ихъ вождельнія.

Въ Софіи былъ оставленъ неподвижнымъ нашъ сильный отрядъ изъ 8 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 14 орудій. Если бы нашъ полевой штабъ имѣлъ болѣе вѣрное представленіе о положеніи дѣлъ на этомъ театрѣ войны, отрядъ могъ бы имѣть громадное значеніе. 25 декабря княземъ Миланомъ было сдѣлано предложеніе генералу Гурко—совмѣстное, общими силами, параллельное наступленіе на югъ страны. Въ то время такое предложеніе было вполнѣ несообразно ни съ задачей генерала Гурко, ни съ положеніемъ сербскихъ войскъ, имѣвшихъ въ оставленной въ тылу крѣпости Ниша громадную для себя опасность. Теперь положеніе измѣнилось. Сербской арміи были развязаны руки, а софійскій отрядъ наилучшимъ образомъ выполнилъ бы свою задачу, не стоя на мѣстѣ, а наступленіемъ въ общей связи съ движеніемъ сербскихъ колоннъ. То, что не удалось выполнить однимъ сербамъ, было бы несомнѣнно достигнуто при содѣйствіи нашихъ войскъ.

Много разъ мнѣ уже приходилось обращать вниманіе на перво-степенную важность своевременнаго разрѣшенія сербскаго вопроса сближеніемъ княжествъ до общей границы и другого вопроса, не менѣе важнаго,—возвращенія мѣстности Старой Сербіи сербской народности. Какъ бы ни напрягали княжества свои изолированныя усилія на разрѣшеніе этихъ вопросовъ, едва-ли когда-нибудь, даже при нашемъ платоническомъ сочувствіи, имъ это удастся, если только мудрою политикою не привлекутъ къ себѣ албано-арнаутскія племена. Николай черногорскій и дипломаты австро-венгерской школы сознали это давно и соперничаютъ между собою привлеченіемъ на свою сторону этой дикой, но серьезной силы. Сербское княжество относилось къ арнаутамъ прямолинейно, почитая ихъ насильниками на той мѣстности, которая прежде принадлежала сербской народности. Когда сербскіе отряды двинулись горными ущельями для овладѣнія прадѣдовской землею, они встрѣтили гораздо болѣе сопротивленія со стороны арнаутовъ, чѣмъ со стороны турецкихъ войскъ. Италія смутно понимала свои интересы на Балканскомъ полуостровѣ, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Австріи, въ особенности по этому вопросу, и легко пошла по нѣмецкой указкѣ на такой захватъ, который едва-ли отвѣчаетъ ея силамъ и средствамъ. Она промѣняла вѣрное на невѣрное.

Политики доморощеннаго направленія сильно ошибаются, пред-

полагая, что, поглотивъ массу славянской земли, держава Габсбурговъ усвоитъ себѣ всѣ интересы славянства. Жизнь насъ поучаетъ, что культура и прогрессъ сильно измѣняютъ самыя коренныя свойства человѣчества, и что для поддержанія государственной спайки необходима мощная поддержка націонализма. Старая Сербія—колыбель сербства. Въ ней верховная православная ихъ церковь, истинное сѣдалище патріархіи, такія же священныя мѣста, какъ католическій Римъ, мусульманская Мекка, такое же сердце сербства, какъ Москва для русской народности. Въ минуты самаго высокаго патріотизма сербскія гусли поютъ про Старую Сербію, благоговѣнно вспоминаютъ былины Печа, подвиги героевъ, жизнь свою положившихъ на Коссовомъ полѣ. Возвышенная пѣснь Николая черногорскаго витаетъ вокругъ Призрѣня; сколько поэтическихъ строфъ воспѣваютъ Приштину и т. д. Возможно ли на все это съ легкимъ сердцемъ поставить крестъ? Этотъ крестъ былъ бы надмогильнымъ надъ сербскою народностью.

Около 22 января во всѣ отряды сербскихъ войскъ достигаетъ вѣсть о подписаніи 19 января акта перемирія и предварительныхъ мирныхъ условій. Настала минута подведенія всему итоговъ не столько въ воздаяніе каждому по дѣламъ его, сколько для того, чтобы въ ошибкахъ искать исправленій минувшихъ заблужденій, указаній на истинный путь въ будущемъ. Прежде всего нужно утвердить, что сербскій главнокомандующій, князь Миланъ, далеко не былъ тѣмъ героическимъ вождемъ, который по боевымъ дарованіямъ и безукоризненной чистоты нравственности, соотвѣтствовалъ бы возвышенной цѣли возстановленія и сплоченія сербской народности. Увлечъ за собою народную массу онъ не только не былъ въ состояніи, но отталкивалъ отъ себя cadaго, близко его знаваго. Опытъ войны ничего ему не далъ, только привилъ самомнѣніе до крайности и еще сильнѣе развилъ заносчивость. Вѣря въ свой боевой талантъ, онъ опрометчиво ринулся на юную Болгарію войной, считая ее легкою добычею, и жестоко былъ наказанъ. Сербскіе военачальники были выше своего главнокомандующаго во всѣхъ отношеніяхъ. Сербы по природѣ воинственны, страстно увлекаются военнымъ дѣломъ и по свойствамъ своего характера способны въ немъ достигать значительнаго совершенства. Когда народится въ сербской народности военный гений, съ сербами онъ можетъ сдѣлать чудеса. Развѣ не чудесно удивительное существованіе Черногорія, издавна окруженной врагами, много разъ пытавшимися ее раздавить? Это историческое сербское орлиное гнѣздо, непрестанно воздымавшее свое гордое чело среди славянскихъ горъ, наконецъ достойно его увѣнчало королевскою короною въ лицѣ полу-

легендарнаго по высокимъ дѣяніямъ князя Николая—отца народа. Высокіе завѣты почерпаются изъ дивной многовѣковой борьбы черногорцевъ съ исламомъ, во всѣ времена которой враговъ считали только тогда, когда ихъ головы надѣвали на шпичи монастырской ограды.

Много данныхъ у вооруженныхъ силъ княжества дать прекрасныя военныя части. При настоящемъ настроеніи, на глазахъ, сами собой формировались тактическія единицы надежной силы. Корпусъ офицеровъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Остается только больше заниматься войсками и не скупиться на расходы на ихъ вооруженіе и тактическую часть. Это политиканство населенія, болѣе патріархальнаго характера, чѣмъ соціальнаго, которое съ такою укоризною, иногда, ставится сербамъ въ упрекъ, въ дѣйствительности отнюдь не такъ вредно, какъ кажется. Любовь къ старинѣ, привязанность къ родному дому, такія нравственныя начала, которыя много способствуютъ развитію въ сербахъ качествъ хорошаго воина. Всѣми физическими достоинствами сербскіе новобранцы владѣютъ вполне.

Интересно было наблюдать, какъ народное войско мало-по-малу закалялось войной и обращалось въ надежныя части. Подъ Акъ-Паланкой сербы очень трусили турокъ и готовы были удариться въ бѣгство, если бы не доблесть офицеровъ и не геройскій подвигъ Ефрема Марковича. Подъ Пиротомъ дрались несомнѣнно много самоувѣреннѣе, а послѣ Ниша дозрѣли до единоборства.

Я любилъ бесѣдовать съ простымъ войникомъ, всегда привѣтливымъ, словоохотливымъ, съ душой на-распашку. Разспрашивалъ я, было ли жутко, когда, спускаясь съ горъ къ Нишавѣ, попали подъ выстрѣлы турецкихъ пушекъ.

„Какіе вы молодцы, что такъ геройски атаковали турокъ. Ни ледоходъ рѣки, ни сопротивленіе турокъ васъ не остановили“.

„Бога-ми“, отвѣчали селяки, „какъ было не идти впередъ, когда вездѣ были сербы; много было нашихъ, и пушекъ много; а турчинъ хотя и былъ страшенъ, да скоро побѣжалъ“.

XIV.

Актомъ перемирія 19 января для раіона сербскаго театра войны устанавливалась демаркаціонная линія къ югу отъ Джумай, Кюстендила и Враньи со включеніемъ этихъ пунктовъ въ область страны, занятой нашими и сербскими войсками. Далѣе на западъ она совпадала съ государственною границею. Всѣ части войскъ воюющихъ сторонъ.

которыя оказались бы за предѣлами демаркаціонной линіи, должны были въ трехдневный срокъ отойти назадъ.

Санъ-Стефанскій, опять предварительный, мирный договоръ, 19 февраля, устанавливалъ сербскую границу въ предѣлахъ Ново-Базарскаго санджака, отъ государственной границы, истоковъ рѣки Дежевы по р. Рашнѣ до с. Терговышта, далѣе черезъ Божуръ-Планину къ р. Ситницѣ, по этой р. и Лабу на Граниторску-Планину. Въ то же время оставлялъ внѣ сербскихъ предѣловъ, добытыя сербскимъ мечомъ, Акъ-Паланку, Пиротъ и Вранью. Начертанная изогнутая граничная линія въ окрестностяхъ Ново-Базара подходила къ тѣмъ самымъ позиціямъ на высотахъ Рагозны, которыми обороняется прямой путь изъ Босніи въ Старую Сербію, но нигдѣ ихъ не касаясь, лишь намекая на первостепенное ихъ значеніе. Не соответствовала ли эта изогнутость лишь дипломатической изворотливости, чтобы, соблюдая по наружности интересы Сербіи, ни въ чемъ не затронуть австро-венгерскихъ притязаній. Взвѣсивая всѣ данныя создаваемой для княжества обстановки, становится понятнымъ то неудовольствіе, съ которымъ былъ встрѣченъ сербами Санъ-Стефанскій договоръ.

Трудно отдать себѣ точный отчетъ въ основательности, послѣдовательности и дальновидности нашихъ дипломатическихъ намѣреній того времени относительно сербскаго княжества. Всѣ совершенные нами въ то время политическіе акты что-нибудь да вырывали отъ Сербіи изъ тѣхъ земельныхъ пріобрѣтеній, которыми она въ дѣйствительности уже владѣла по праву завоеванія, и потому смотрѣла на нихъ, какъ на свое законное состояніе. Актъ перемирія ей предписывалъ очистить всѣ земли по ту сторону южной границы; Санъ-Стефанскій договоръ отрывалъ отъ нея въ пользу болгарскаго княжества лучшую и большую часть изъ ея завоеваній, проблематически обѣщаясь вознаградить надѣлами изъ Старой Сербіи. Но могли ли сербы питать довѣріе къ послѣднему обѣщанію, когда изъ нашего же заявленія видѣли, что обязательства выполнить его мы на себя не принимаемъ. Въ это же время мы настойчиво отъ нихъ требуемъ немедленно очистить, все еще ими занимаемые, участки земли въ Ново-Базарскомъ санджакѣ.

Наконецъ мы покинули Нишъ въ экипажахъ за Смедерово, а оттуда на пароходѣ „Делиградъ“ по Дунаю до Бѣлграда. Переѣздъ былъ сдѣланъ въ два дня съ ночлегомъ въ Ягодинѣ. Почти у каждаго попутнаго населеннаго мѣста высилась триумфальная арка, увитая гирляндами лентъ и украшенная флагами національныхъ цвѣтовъ. Выходили депутаціи, говорились привѣтственные рѣчи, пѣлись побѣдные гимны. Подъемъ народнаго духа былъ несомнѣнно

высокъ. Но все это скоро прискучило князю, рѣдко отвѣчавшему на привѣтъ полусловомъ, чаще обрывавшему сельскихъ ораторовъ на полусловѣ. Священство, какъ будто, ступшевалось. Русскому челоуѣку обычно начинать каждое дѣло молитвою и съ благословенія служителя церкви, почему мнѣ страннымъ казалось его отсутствіе, или слишкомъ оффиціальное его отношеніе на торжественныхъ молебствіяхъ въ Бѣлградскомъ кафедральномъ соборѣ.

Къ сожалѣнію, самъ князь не служилъ добрымъ примѣромъ своею набожностью. Помню, какъ въ Смедерево, проносясь мимо церкви, я увидѣлъ выходящей изъ нея навстрѣчу князя крестный ходъ.

„Ваша свѣтлость! крестный ходъ“, обратился я къ князю, „Ямщикъ къ церкви“.

„Оставьте ихъ въ покоѣ“, равнодушно замѣтилъ князь, „насъ ждутъ на пароходной пристани, а они насъ только задержать“.

Князь не мало былъ удивленъ моею настойчивостью, когда я вышелъ изъ экипажа, направляясь къ церкви. Послѣ минутнаго колебанія, онъ также повернулъ къ ней.

Припоминаю другое обстоятельство, случившееся въ это же время нашего возвращенія въ Бѣлградъ. Во время одной изъ остановокъ, въ пути, разговоръ коснулся прекрасной русой бороды, которую князь успѣлъ отростить во время войны. Борода скрывала громадный подбородокъ, портившій вообще красивыя черты его лица. Я посоветовалъ бороду оставить.

„Я уже думалъ объ этомъ“, отвѣчалъ князь, — „но что скажетъ на это княгиня“.

„Княгиня согласится“ — утверждалъ я, — „борода Васъ красить. Впрочемъ дайте мнѣ время переговорить объ этомъ съ княгиней“.

„Охотно соглашаюсь съ Вашимъ предложеніемъ и буду радъ Вашему успѣху, въ которомъ сомнѣваюсь“.

Все заставляло меня предполагать о сердечномъ отношеніи княгини къ своему супругу. Нѣжныя проводы его на войну, заботливость объ его комфортѣ, частыя присылки всего на театръ войны. Однако Миланъ черезъ часъ послѣ пріѣзда въ Бѣлградъ уже былъ безъ бороды. Какъ кажется, сама княгиня искренно думала о силѣ чувства къ ней князя, пока факты не разбили ея иллюзіи, убѣдивъ, что супругъ въ ней цѣнилъ лишь красивую внѣшность.

Встрѣча князя на нарядно убранномъ „Делиградѣ“ была въ высшей степени парадна. Чудная погода много способствовала торжеству.

По мѣрѣ приближенія къ Бѣлграду, оваціи возрастали. Парадный обѣдъ на открытой палубѣ „Делиграда“ сопровождался рѣчами

и тостами. Музыка гремѣла побѣдными маршами, съ берега доносились радостные клики народнаго живію, со встрѣчныхъ частныхъ пароходовъ раздавались восторженныя привѣтствія.

Наконецъ показался Бѣлградъ. Масса трехцвѣтныхъ флаговъ, украшавшихъ городскія зданія и слабо колыхавшихся въ тишинѣ наступавшихъ сумерекъ, придавала необыкновенную торжественность развертывавшейся передъ нашими глазами волшебной картинѣ. Вотъ ударилъ соборный колоколъ, взвились надъ крѣпостью бѣлые дымки, и привѣтственный громъ пушечныхъ выстрѣловъ, подъ аккомпанементъ колокольнаго благовѣста, пронесся по поверхности многоводнаго Дуная.

Не успѣлъ пароходъ повернуть въ Саву, какъ несмѣтная толпа, покрывавшая берегъ, съ громкими криками бросилась къ пароходной пристани навстрѣчу своему князю. Первою, встрѣтившею сошедшаго на берегъ князя Милана, была княгиня Наталія.

Сердечный характеръ народныхъ встрѣчъ, при возвращеніи князя съ театра войны, несомнѣнно свидѣтельствовалъ о природныхъ свойствахъ сербскаго народа, объ его приверженности своимъ государямъ. Въ жизни народовъ такія минуты составляютъ рѣдкія историческія эпохи, отъ которыхъ ведутся лѣтосчисленія. Но князь Миланъ не былъ на высотѣ событій. Преслѣдуя личныя цѣли, онъ не былъ способенъ увлечься общественнымъ дѣломъ. Въ минуту всеобщаго воодушевленія, соединившаго всѣ политическія партіи въ одну сербскую семью, князь Миланъ уже мрачно всматривался въ толпу, выглядывая въ ней своихъ личныхъ враговъ. Болѣзненная подозрительность сковала богатыя отъ природы способности и обрекала на гнетущее духъ бездѣйствіе.

Заботы государственнаго управленія были предоставлены совѣту министровъ, разрѣшеніе вопросовъ военнаго характера и роспускъ народнаго войска были довѣрены генералу Протичу, самъ князь опочилъ на лаврахъ.

Сербскому правительству не приходилось складывать рукъ. Чтобы извлечь изъ факта войны хотя бы часть изъ намѣченныхъ ранѣ задачъ, ему пришлось удвоить свою энергію. Ристичу было хорошо извѣстно, что голосъ дипломата только тогда учитывается, когда онъ подкрѣпляется вооруженною силою. Слѣдовало, какъ можно скорѣе, изъ многочисленной нестройной толпы народнаго войска сформировать боевую часть, которая бы удовлетворяла всѣмъ требованіямъ военнаго дѣла. При подсчетѣ наличныхъ средствъ оказывалась возможность организовать лишь одинъ корпусъ силою никакъ не больше 35 т. человекъ. На изложенныхъ основаніяхъ военнымъ министромъ былъ разработанъ проектъ реорганизаціи, на

которую нужно было получить санкцію князя, чтобы приступить къ осуществленію ея на дѣлѣ.

„Доклады князю у меня крайне рѣдки, да и онъ всегда торопится“, говоритъ мнѣ генералъ Груичъ. „Не поможете-ли мнѣ при свиданіи съ нимъ“.

„Съ удовольствіемъ“.

На слѣдующій же день я старательно разъясняю князю суть дѣла.

„Да, да, это совершенно вѣрно, вы вполне правы, конечно, такъ“, — подчеркиваетъ Миланъ мои разъясненія — „Вы говорите, что Савва представитъ докладъ. Отлично. Вопросъ тотчасъ же будетъ рѣшенъ“.

Однако черезъ три дня Груичъ заходитъ ко мнѣ.

„Доложить не успѣлъ. Князь торопился и, въ виду важности затронутаго вопроса, отложилъ объясненія до вторника“.

Во вторникъ, не выслушавъ доклада, князь кладетъ резолюцію „отправить докладъ генералу Протичу въ Нишъ на предварительное заключеніе“.

Являюсь къ князю.

„Ваша Свѣтлость желаете знать мнѣніе генерала Протича, но это затянетъ вопросъ на продолжительное время, тогда какъ главное достоинство предлагаемой мѣры заключается въ немедленномъ приведеніи ея въ исполненіе“.

„Изъ 80-ти тысячъ, Вами призванныхъ во время войны, большую ихъ часть составляетъ необученное, не снаряженное и плохо вооруженное народное войско, случайнаго состава, пользы отъ котораго весьма мало. Теперь весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы вмѣсто нихъ имѣть правильно организованный, вполне обмундированный отборный корпусъ войска, изъ лучшихъ людей хорошо снаряженныхъ и однообразно вооруженныхъ. Съ корпусомъ такого состава придется считаться и не слабой арміи. Что же во всемъ этомъ можетъ вызывать сомнѣнія Вашей Свѣтлости?“.

— „Но я не сомнѣваюсь въ значеніи предлагаемой мѣры и понимаю ея слѣдственный характеръ. Я не хочу обижать Протича, начальника штаба арміи, и потому не желаю его обходить“.

— „Я позволилъ бы себѣ Вамъ предложить личное соглашеніе съ генераломъ Протичемъ военнаго министра“.

Стараюсь я примирить упрямство Милана съ интересомъ дѣла.

„Почему не разрѣшить Груичу съѣздить въ Нишъ, или Протича вызвать въ Бѣлградъ на самый короткій срокъ?“.

— „Прекрасно. На этомъ и остановимся. При первой возможности я или Груича пошлю въ Нишъ, или Протича вызову сюда.“

Такъ будетъ лучше. Дѣйствительно полезно сговориться этимъ двумъ лицамъ, стоящимъ во главѣ военнаго дѣла“.

Казалось, что послѣ этихъ словъ Милана не могло быть больше сомнѣнія, что дѣло разрѣшится на-дняхъ. Но это могло только казаться. Въ дѣйствительности проектъ былъ отправленъ въ Нишъ, и дѣло кануло въ Лету.

Реорганизація князю, очевидно, была не желательна. Изъ разстроенныхъ частей предполагалось создать сильный боевой корпусъ, вполне способный къ активнымъ операціямъ, который стоялъ бы на стражѣ въ начинавшійся періодъ международнаго улаженія государственныхъ интересовъ. Ревниво слѣдила за возрастающею силою княжества ея западная сосѣдка, Австро-Венгрія, для промышленнаго и торговаго развитія которой было нужно хотя бы нравственное порабоженіе богатыхъ странъ Балканскаго полуострова и тѣсное соединеніе Босніи и Герцоговины съ ея адриатическимъ побережьемъ. Больше чѣмъ вѣроятно, что фермированіе въ ту минуту активнаго сербскаго корпуса она приняла бы за вызовъ, направленный въ ея сторону, и не преминула бы раздуть это обстоятельство въ серьезный вопросъ. Не довѣряя нашей дипломатической политикѣ, имѣя къ тому же къ сожалѣнію фактическое основаніе, правительство князя Милана старалось предупредительною угодливостью расположить въ свою пользу Вѣнскій кабинетъ, чтобы съ его помощью выгадать при международномъ улаженіи. Вопреки логикѣ событій и поучительнымъ примѣромъ изъ сербской исторіи, княжеское правительство вступало на скользкій путь компромиссовъ, принося въ жертву блестящему миру традиціонное единеніе сербской народности.

Такимъ образомъ, Сербія въ первую же минуту своей вполне самостоятельной жизни даже боится вооружиться, чтобы не прогнѣвать своего естественнаго соперника. Кровавое прошлое ее не научило, а у насъ не достало способности разъяснить, что государственное достоинство заключается въ боевой силѣ, а эту силу ей слѣдуетъ искать только въ сплоченіи сербской народности.

Историческія обязанности наши, какъ первенствующаго члена славянской семьи, не должны были ограничиваться въ отношеніи государствъ Балканскаго полуострова однимъ содѣйствіемъ въ достиженіи ими полной политической самостоятельности. Мы были обязаны еще согласовать ихъ дѣятельность въ условіяхъ общихъ интересовъ для достиженія общаго благосостоянія, должны были сумѣть предупредить взаимную между братскими странами вражду, къ которой приводитъ соперничество по жизненнымъ вопросамъ, не устраненное своевременно обоюдными уступками.

Уклоненіе князя Милана отъ предложенной ему мною реорганизація арміи не только прямо нарушало гармонію общаго дѣла, но могло его привести даже въ враждебныя славянству ряды въ самую критическую для послѣдняго минуту. Поведеніе князя давало мнѣ поводъ усумниться въ немъ и налагало на меня неожиданную обязанность немедленно выяснить, на сколько же мы въ будущемъ можемъ рассчитывать на его вѣрность въ военномъ отношеніи. Что могъ я сдѣлать при такой обстановкѣ, какъ только предложить проектъ письма на Высочайшее имя Государя отъ князя Милана. Долго не думая, я набросалъ черновое письмо и отправляюсь съ нимъ въ конакъ.

Вотъ это письмо:

„Государь! Отеческая попечительность, проявленная Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Сербіи цѣлымъ рядомъ истинныхъ благодѣяній, и Ваше высокое благоволеніе лично мнѣ вызываютъ во мнѣ священную обязанность употребить всѣ старанія, чтобы мнѣ и моему народу сдѣлаться достойнымъ Вашихъ августѣйшихъ милостей. По одному знаку Вашей десницы, грозныя событія, два года тому назадъ приведенія страну къ неминуемой гибели, чудодѣйственно превратились въ общее торжество христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ. Волею Вашего Величества Сербія была допущена къ участию въ славной войнѣ, которою возстановлена ея боевая репутація и приведена нынѣ на порогъ новой исторической эры. Я на дѣлѣ позналъ безкорыстіе Вашего Императорскаго Величества и надежность связей, соединяющихъ великій народъ сѣвера съ его южными молодыми братьями. Отнынѣ основой моей государственной дѣятельности ставлю тѣсное нравственное служеніе, къ которому сербы и болгары въ ихъ новой жизни призываются Вашимъ Величествомъ. Но южнымъ славянамъ все еще будетъ трудно при тѣхъ опасностяхъ, которыми они окружены, непоколебимо удержаться на пути своего развитія безъ братскаго союза между собою, безъ охраны Россіи. Примите поэтому, Государь, подъ Вашу отеческую защиту ихъ возрождающіяся силы, и сербы грудью будутъ защищать ихъ братьевъ болгаръ, какъ болгары станутъ надежнымъ оплотомъ ихъ братьевъ сербовъ“.

Обращаюсь къ князю.

„Мое настоящее положеніе налагаетъ на меня обязанность заботиться объ интересахъ того дѣла, которому служу, о сербской народности и лично Вашихъ, князь. Разрѣшите быть вполне откровеннымъ“.

„Да, пожалуйста, я Васъ прошу“.

„Не сегодня — завтра меня вызовутъ въ Петербургъ. Тамъ

мнѣ будетъ предложенъ рядъ вопросовъ. Мысленно провѣряя отвѣты, я радуюсь тому удовольствію, которое они вызовутъ. Я скажу, что на войнѣ сербы показали себя достойными сынами витязей эпохи освобожденія, что бранный кличъ соединилъ ихъ всѣхъ въ одно войско, сильное не могуществомъ оружіемъ и воинскимъ обученіемъ, а природною боевою доблестью, вѣрою въ мощь сербской народности, упованіемъ на заступничество Россіи. Я расскажу, какъ князь Миланъ неутомимо трудился на своемъ посту главнокомандующаго, раздѣляя съ войсками невзгоды военнаго времени... Но что я отвѣчу, когда меня спросятъ, готовы ли сербы вновь идти въ бой, если опять явится необходимость совмѣстной войны. Съ горечью я буду обязанъ отвѣтить: нѣтъ, не готовы. Вамъ было угодно отклонить предложенную реорганизацію“.

— „Я не отказываюсь отъ нея, я желаю только зрѣло обсудить эту важную мѣру“.

— „Въ военномъ дѣлѣ лучшее часто бываетъ врагомъ хорошаго, если послѣднее не выполняется въ-время. Подъ вліяніемъ всего мною высказаннаго, я позволилъ себѣ набросать проектъ письма Государю отъ Вашей Свѣтлости“.

Я прочелъ. Князь внимательно выслушалъ, но просилъ времени, чтобы обдумать.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, около 8 мая, по поводу письма князь Миланъ мнѣ отвѣтилъ, что такого письма онъ написать не можетъ, такъ какъ слишкомъ связалъ бы себѣ руки.

XV.

До восточной войны на Балканскомъ полуостровѣ я былъ не одинъ разъ. Еще въ 1863 году, командированный въ Европейскую Турцію, вмѣстѣ съ геодезами Картаци и Артамоновымъ, для предварительныхъ изысканій способовъ измѣренія дуги меридіана до острова Крита, я сдѣлалъ по странѣ верхомъ до двухъ тысячъ верстъ. Въ 1873 году я исколесилъ вдоль и поперекъ Дунайскую Болгарію. Въ 1874 году принималъ участіе на маневрахъ румынскихъ войскъ, о чемъ я уже имѣлъ случай упомянуть. Во время возстанія въ Босніи и Герцоговинѣ провелъ зиму въ Далмаціи и Черногоріи. Такимъ образомъ случаевъ познакомиться съ положеніемъ странъ, мною посѣщенныхъ, имѣлъ не мало. Тщательно изучая состояніе Балканскаго полуострова въ военно-ученомъ комитетѣ, я былъ прекрасно подготовленъ къ моей работѣ, почему ко

всѣмъ явленіямъ мѣстной жизни имѣлъ полную возможность отнестись вполне сознательно и нелицеприятно.

Въ Сербіи, какъ въ Черногоріи, какъ въ Болгаріи и Румыніи, я имѣлъ много друзей. Мои отношенія и къ князю Милану не оставляли бы желать ничего лучшаго, если бы съ его стороны было больше чистосердечія. Хотя съ величайшимъ трудомъ, но мнѣ все-таки удалось направить событія въ Сербіи къ желательнымъ цѣлямъ, при этомъ съ неожиданнымъ успѣхомъ, почему ко всѣмъ участникамъ войны я относился съ глубокою признательностью. Но я не могъ измѣнять дѣлу изъ-за личныхъ отношеній. Простекавшія отсюда шероховатости, однако, не отражались рѣзко выраженными неудовольствіями. Со стороны князя Милана, отъ самаго начала и до самаго конца, я видѣлъ и испытывалъ полное вниманіе. Ему видимо доставляло большое удовольствіе награждать меня орденами, что обставлялось съ значительною торжественностью. Но и въ этомъ дѣлѣ проскользнула неприятная черта.

Въ одинъ прекрасный день А. И. Персіани по секрету мнѣ передалъ разговоръ съ нимъ князя Милана. Желая меня наградить, онъ спрашивалъ Персіани, не доставило ли бы мнѣ удовольствіе почетное оружіе. Я искренно обрадовался случаю и отвѣтилъ, что чрезвычайно радъ получить шпагу, но съ условіемъ, чтобы она была совершенно простая, т. е. безъ украшеній, но съ надписью „Георгію Бобрикову отъ благодарной Сербіи“. Прошло много времени. Ни я, ни Персіани ничего не знали. Наконецъ, когда я уже былъ въ Петербургѣ, присылается оружіе, не шпага съ короткою надписью, а вычурно изукрашенный въ серебряныхъ ножнахъ и съ золотымъ эфесомъ мечъ съ многорѣчивою надписью на клинкѣ, что награждается такой-то за то-то такимъ-то княземъ такого-то рода и прочее. Графомъ Милутинымъ мечъ былъ представленъ на благовозрѣніе Государя Императора. Мною было получено Высочайшее разрѣшеніе носить въ особыхъ случаяхъ; но могъ ли я надѣвать такое оружіе, которое могло служить украшеніемъ развѣ Готфриду Бульонскому, при его торжественномъ вѣздѣ въ Іерусалимъ. Удовольствіе испорчено. Теперь я не знаю, въ какой музей представить этотъ мечъ крестоносца?

Въ это же время былъ случай съ подполковникомъ Ефремомъ Марковичемъ, мною уже описанный въ февральскомъ номерѣ „Русской Старины“.

Чтобы закончить очеркъ моихъ отношеній къ князю Милану, привожу нашу послѣднюю встрѣчу въ С.-Петербурѣ.

Королю Милану послано приглашеніе посѣтить Императорскую столицу. Я усердно старался объ этомъ приглашеніи, считая лич-

ное свиданіе всегда лучшимъ средствомъ для выясненія недоразумѣній. Какъ генераль свиты Его Величества, я ожидалъ со дня на день сообщенія о назначеніи меня состоять при особѣ. Пора было выѣзжать навстрѣчу, а изъ Императорской главной квартиры ничего. Встрѣчаю генераль-адъютанта Воейкова. Онъ останавливаетъ меня и говорить, что назначеніе мое почти состоялось, когда сербскимъ посланникомъ было выражено желаніе короля о назначеніи генерала Зурова, извѣстнаго королю Милану, какъ уже бывшему въ Бѣлградѣ съ орденомъ Св. Георгія. Признаюсь откровенно, я ничуть не былъ этимъ огорченъ, такъ какъ особой симпатіи къ новому Величеству не чувствовалъ. Такъ, думалъ я, и окончились наши отношенія. Но я ошибался. Была еще одна встрѣча и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ одно дѣйствительно прекрасное утро иду по набережной Невы по панели Зимняго дворца. Подходя къ крайнему подъѣзду, вижу поданный экипажъ. Вскорѣ выходитъ Миланъ, а за нимъ генераль Зуровъ, я уменьшилъ шагъ. Король уже былъ въ коляскѣ, когда поклонъ Зурова въ мою сторону привлекъ на меня его вниманіе. Быстро сойдя на тротуаръ, онъ подходитъ ко мнѣ, крѣпко, дружески жметъ мою руку и говорить: „какъ я счастливъ Васъ видѣть, надѣюсь на удовольствіе съ Вами часто видѣться“.

Въ заключеніе моего пребыванія въ Сербіи, не могу не бросить общаго взгляда назадъ, чтобы немногими штрихами очертить характеръ событій. Главная задача сербской арміи, какъ вспомогательной, была разрѣшена въ полномъ объемѣ. Мобилизовавшіеся отряды изъ редицныхъ частей и мустахфыза на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій были задержаны, и перевалъ черезъ Балканы войскъ генерала Гурко было значительно облегченъ. Но политика—стратегическая цѣль объединенія сербской народности, достигнута не была. Цѣль не только не была достигнута, но и перваго шага въ этомъ направленіи сдѣлано не было. Увлечлись добываніемъ клочковъ земли, а главное оставлено безъ вниманія. Событія складывались въ высшей степени благоприятно, но ими не сумѣли воспользоваться. Все требовало группировки всѣхъ вооруженныхъ силъ княжества въ юго-восточномъ углу государственной границы для одновременнаго дѣйствія на Софію и на Новобозаръ; но князи Сербіи сдержало столько же ложное пониманіе военнаго дѣла, какъ и боязнь соперничества князя Николая. Князь былъ наказанъ именно въ томъ, въ чемъ наиболѣе грѣшилъ. Если въ сербскомъ мирѣ существовали причины, хотя и низменнаго свойства, воспрепятствовавшія осуществленію велико-сербской идеи, то чѣмъ можетъ быть объяснена и оправдана наша сдѣлка съ Вѣной, по которой

мы приняли на себя обязательство неприкосновенности Босніи съ Ново-Базарскимъ санджакомъ?

Международные интересы имѣютъ самую близкую связь съ военнымъ дѣломъ. Своимъ ультиматумомъ мы остановили разгромъ Сербіи. Какъ же потомъ мы являемся проникнутыми одними болгарскими интересами? Если мы оказались вынужденными поднять свой мечъ на защиту намъ единовѣрныхъ и родственныхъ странъ Балканскаго полуострова, то очевидно, намъ слѣдовало ставить цѣль общеславянскую, одинаково сербскую, какъ болгарскую, и отнюдь не подпадать тому или другому вліянію. Подъ Плевной мы сомнѣвались въ возможности потребовать одну автономную Придунайскую Болгарію. Къ концу войны включаемъ въ предѣлы Болгаріи всѣ сербскія земли вплоть до государственной границы княжества. А по Санъ-Стефанскому мирному договору въ составъ Великой Болгаріи зачисляемъ безразлично всѣ страны и народности до самаго Эгейскаго моря. Какою же государственною мыслью мы руководствовались въ такомъ крайнемъ увлеченіи? Поневоля приходится думать, что мы дѣйствовали безъ всякаго расчета, увлекаясь желаніемъ только пустить всей Европѣ пыль въ глаза, въ сущности же слѣдуя злонамѣреннымъ указаніямъ, шедшимъ изъ Вѣны. Суровый приговоръ надъ нашими дипломатами еще можно было бы смягчить, если бы они проявили упорную борьбу за наши общеславянскіе интересы, если бы, не успѣвъ сомкнуть два сербскихъ государства общею границею, они сѣздили бы пространство, ихъ разделяющее, до размѣра узкаго коридора. На дѣлѣ ничего подобнаго не видимъ. Санъ-Стефанскій договоръ былъ объявленъ, какъ величайшая наша дипломатическая побѣда!

За что мы отдали подъ гегемонію намъ соперничающей Австро-Венгріи двѣ богатыя сербскія страны, Боснію и Герцеговину? Развѣ только за дарованіе намъ права воевать, воевать академически, за проблематическія постановленія константинопольской международной конференціи? Отдавая въ составъ Австро-Венгріи эти провинціи, принося эту величайшую съ общеславянской точки зрѣнія жертву, не могли же мы убаюкивать себя временнымъ характеромъ этой оккупациі. А если понимали, что дѣлаемъ, то какъ же не развязали себѣ руки на окончательное устроеніе балканскихъ народностей! Все вышло шиворотъ-на-выворотъ. Во имя вѣнскаго соглашенія мы самымъ добросовѣстнымъ образомъ вязали всѣмъ руки; а когда армія доблестно завершила свое великое дѣло, мы, какъ шаловливыя дѣти, обрадовались возможности писать громкіе акты и начертали Санъ-Стефанскій предварительный мирный договоръ. Этимъ актомъ мы вооружили противъ себя всѣхъ, не только западныхъ

великія державы, но и всѣ народности, во имя интереса которыхъ подняли свое оружіе. Радовалась только Австро-Венгрія, въ руки которой играли этимъ договоромъ, такъ какъ давали ей лучшее доказательство въ своей неспособности творить мировымъ путемъ великія дѣла. Санъ-Стефанскимъ договоромъ мы положили начало розни между народностями полуострова и предрѣшили свое Берлинское посрамленіе.

Отсюда директивы, данныя государственною политикою боевыми задачамъ дѣйствующей арміи. Громадное военно-политическое значеніе имѣло занятіе войсками Константинополя, для подъема духа арміи и государственнаго престижа, и берега Босфора для упроченія своего базиса воднымъ путемъ. Если бы энергія и таланты дипломатовъ сумѣли поставить эту задачу въ благопріятную обстановку, ихъ заслуга была бы несомнѣнною. Не перечить слѣдовало очереднымъ мѣропріятіямъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, а содѣйствовать имъ такъ, чтобы общая работа оказалась наиболѣе плодотворною.

Какъ выше было сказано, сербская армія сдѣлала все, что отъ нея требовалось, но изъ нея не извлекли всей той пользы, которую можно было и слѣдовало извлечь. Странно, что отъ эпохи добровольцевъ осталось нареканіе на сербовъ, раненія которыхъ въ большинствѣ случаевъ будто-бы были сзади. Впрочемъ и болгарь-братушекъ поносили всячески, ставя имъ въ примѣръ отвагу турокъ. *Свидѣтельствую о высокихъ военныхъ качествахъ сербовъ.* Тѣ же пруссаки, которые жестоко били французовъ при Россбахѣ, не менѣе жестоко были биты послѣдними подъ Іеной и Ауерште-томъ, и вновь колотили своихъ противниковъ въ послѣднюю войну. Только австрійцы имѣли мало реваншевъ. Чрезвычайно опасны поэтому скороспѣлыя заключенія о боевыхъ качествахъ армій. Слѣдуетъ признать, что славяне вообще къ военной службѣ весьма способны, отличаясь необыкновенною стойкостью, какъ болгары, или боевымъ пыломъ, какъ сербы. Послѣдніе имѣютъ пока то преимущество, что еще проникнуты геройскимъ эпосомъ предковъ. Часто приходится слышать и читать упреки сербамъ княжества въ политиканствѣ, будто-бы отравляющемъ ихъ нравственный складъ. Не надо различать критики и осужденія во что бы то ни стало существующихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений отъ страстнаго увлеченія стариной. Послѣднее не подтачиваетъ воинскаго духа, а напротивъ его укрѣпляетъ. Можетъ быть сербская интеллигенція, даже въ рядахъ арміи, нѣсколько переступаетъ допускаемые благоразуміемъ предѣлы; но сплошное сельское населеніе сохраняетъ патріархальный строй и этою отравой еще не заражено.

Вотъ мысли, впечатлѣнія и убѣжденія, которыя я вынесъ изъ моего продолжительнаго пребыванія въ Сербіи и съ сербскими войсками. Многія изъ притязаній княжескаго правительства я отвергалъ, но я не могъ по совѣсти не признать ихъ правъ на прилегающую къ границѣ полосу земли съ Пиротомъ, и Акъ-Паланкою, добытыми цѣною крови. Странно было видѣть нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ Сербіи не австрійскихъ или иностранныхъ дипломатовъ, а нашихъ собственныхъ. Въ этомъ отношеніи къ княжеству, какъ къ *puissance negligeeable* на языкѣ дипломатовъ, во всякомъ случаѣ было несправедливое преувеличеніе. Если бы дѣйствительно сербское государство было такъ слабо, то не по винѣ ли тѣхъ же дипломатовъ, не желающихъ знать ни исторіи, ни настоящаго положенія вещей. Между тѣмъ въ дѣйствительности въ благоденствіи и силѣ сербской народности мы сами заинтересованы въ громадной степени. Отъ равновѣсія силъ на Балканскомъ полуостровѣ зависитъ наше значеніе въ славянскомъ мірѣ, а отъ послѣдняго развитіе нашего морского могущества.

Въ первой половинѣ мая мѣсяца я простился съ Бѣлградомъ, чтобы принять участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ. Я вызывался въ Петербургъ для сопровожденія графа Шувалова, какъ военный экспертъ по странамъ Балканскаго полуострова. Генераль Анучинъ назначался, какъ экспертъ по административному устройенію зарождавшейся Болгаріи. Генеральнаго штаба полковникъ Боголюбовъ спеціально по Черногоріи. Здѣсь я узналъ, что достигнуть какого-либо соглашенія съ западными державами на основаніи Санъ-Стефанскаго договора оказалось совершенно невозможнымъ. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ затруднительнаго положенія, намъ пришлось съ перваго же слова дать согласіе на раздѣленіе Болгаріи на двѣ части, при томъ въ границахъ, далеко меньшихъ нами предположенныхъ. Ясно, что было бы лучше не писать вовсе Санъ-Стефанскаго договора, чѣмъ, заключивъ, тотчасъ же отъ него отказаться. Государственное достоинство требовало отъ нашихъ дипломатовъ большей мудрости. Предъ тѣмъ, чтобы начертать международный актъ исторической важности, слѣдовало его предварительно всесторонне обдумать, а не писать наобумъ. Такіе акты поддерживаются силою оружія и ни въ какомъ случаѣ не могутъ заключать въ себѣ преувеличенные запросы въ расчетъ на торгъ. Это—кривой путь, ведущій къ ущербу нашего престижа.

Уполномоченными на конгрессъ Высочайшимъ соизволеніемъ были назначены: канцлеръ князь Горчаковъ, посолъ въ Лондонѣ графъ Шуваловъ и посолъ въ Берлинѣ Убри. Когда-то блестящій и тонкій дипломатъ, князь Горчаковъ въ эпоху войны уже успѣлъ

потерять много изъ своихъ способностей. Все еще безукоризненный по внѣшности, онъ утратилъ въ значительной степени память и быстроту соображенія, но сохранилъ все еще талантливое краснорѣчіе. Была минута сомнѣнія въ его назначеніи, но нежеланіе обижать государственнаго дѣятеля въ его страстномъ желаніи превозмогло. Дипломаты въ старости, въ особенности если дѣятельность ихъ достигла славы, опасны тѣмъ, что слишкомъ боятся себя компрометтировать и становятся нерѣшительными и податливыми. Опасность назначенія именно князя Горчакова еще заключалась въ непримиримомъ соперничествѣ его съ княземъ Бисмаркомъ, дѣйствительнымъ распорядителемъ въ то время международныхъ отношеній. Вторымъ уполномоченнымъ былъ графъ Шуваловъ, по своему положенію Императорскаго посла въ Лондонѣ имѣвшій возможность положить первое основаніе мирнаго соглашенія. Графъ имѣлъ представительную внѣшность, чарующее обращеніе и обладалъ природнымъ умомъ, но въ своемъ воспитаніи былъ зараженъ космополитизмомъ и потому не былъ въ состояніи глубоко понимать умомъ и сердцемъ интересы отечества. Избалованный свѣтомъ, самоувѣренный и крайне подвижнаго характера, онъ съ одинаковою легкостью принималъ на себя задачи не по силамъ, какъ и шелъ на уступки, не сознавая ихъ важности. Третьимъ уполномоченнымъ былъ нашъ посолъ въ Берлинѣ, г. Убри, безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ, но мало активный, неспособный къ проявленію самостоятельности, въ особенности въ томъ положеніи, въ какомъ былъ поставленъ.

Задача, возложенная на нашихъ уполномоченныхъ, была одна изъ труднѣйшихъ. Только для непосвященной въ суть дѣла толпы она представлялась легкимъ закрѣпленіемъ пожатыхъ на полѣ брани успѣховъ. Въ дѣйствительности же работа, имъ порученная, была настолько затруднительною, что превосходила и обстановку, и силы работниковъ. Предварительной работы или не было вовсе, или она была выполнена отрицательно.

Ближе всего дѣло согласованія статей Санъ-Стефанскаго договора съ интересами государствъ было поручить его автору этого историческаго акта. Графу Игнатьеву были предоставлены всѣ способы къ успѣшному выполненію его высокой задачи, онъ посѣтилъ всѣ кабинеты великихъ державъ, но успѣха нигдѣ не имѣлъ. Положеніе его въ международномъ отношеніи настолько оказалось двусмысленнымъ, что устраняло даже возможность включенія его въ составъ уполномоченныхъ на Берлинскій конгрессъ.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

